

Вера Полянская

Библиотекарь сельской библиотеки,

Лауреат различных поэтических конкурсов и фестивалей.

19 октября 2018 года в Центральной городской библиотеке г. Осинники прошёл праздничный вечер, посвященный 20-летию поэтического клуба «Кедр», в котором со дня его основания участвует и Вера Полянская. А нынешним летом состоялась презентация сборника её стихотворений, выпущенного новокузнецким издательством «Союз писателей».

Это хорошо оформленное издание, которое удалось впервые осуществить автору, даёт наиболее полное представление о творчестве осинниковской поэтессы.

Коллеги поздравили её с долгожданным событием, единодушно отметив при этом, что Веру Полянскую «узнают по почерку», любят и ценят в творческих кругах. Для её поэзии характерны утончённость мысли и философская глубина.

«Я допишу своё стихотворенье...»

* * *

Читаю книги... Страницы – мёртвый лес –
Чуть слышным шелестом

будит воспоминанье

Листвы упавшей в вечность.

Я глядываюсь напряжённо в их белизну,

В набор согласных, гласных,

запятых, пунктиров, точек...

Что толку в них – в бездушных знаках?

Однако...

Их танцы на листах дразнят мой нерв,

Сижу над книгой

в колдовском оцепененьи,

И вот уже в моих глазах

Слеза.

Бреду сквозь сто миров,

сто жизней проживаю.

И гневаюсь и плачу и смеюсь.

Что это – наважденье? Колдовство?

Порабощенье?..

И этот фолиант, начертанный давно

уж умершей рукой

На мёртвых листьях и немим пером,

Чужие мысли, знания, чувства

в вечность

Принёс. Я вижу бесконечность.

Я живу... Читаю книги.

Вот предо мной готовая канва –
Трехстишиям подчиненны аккорды,
И в рифмы сложные пора вплетать слова.
Но чувства буйные кипят как злые орды.
Узды классической они не признают
И рвутся в край верлибра и свободы.
Как тяжек мастера порой бывает труд!
Но следуя старинному ученью,
Гончар из глины создаёт сосуд.

Призвав на помощь Музу и терпенье,
Сжимая мысли в пятистопный ямб,
Я допишу своё стихотворенье.
И форму строгую словам своим придам.

СЕДОЙ ФЕВРАЛЬ

Седой февраль, бунтарь неукротимый,
Куражится, оканчивая зиму
Аккордом буйным ледяных ветров.
Итог безудержных страстей таков,
Что кровь в одно мгновенье
в жилах стынет.

И словно муж, ревнуя без причины,
Зайдясь в припадке лютых холодов,
Весне предъявит счёты за любовь
Седой февраль.

Такая же в душе моей картина:
Жить не умея лишь наполовину,
Я захожусь отчаяньем стихов.
О, нет сильней любви иных оков...
Мы сами в своих горестях повинны,
Седой февраль.

УПРАЖНЕНИЕ

Меня просили написать терцины

По всем положенным

канонам мастерства,

В которых мысли с формою едины.

ГЛАГОЛЬНЫЕ РИФМЫ

Мама мыла раму. Я ей помогала,
Видимо не очень. Мама наругала
За кривые руки, грязь на платье, лужи.
Ей такой помощник отродясь не нужен.

И сказала маме, слёзки утирая:
«Вырасту и тоже дочку наругаю».
Выросла я быстро. Время наступает –
Мою раму.
Дочка рядом помогает.

Язычок усердно высунут наружу,
И не замечает под ногами лужу.
Полосы на стёклах – я не возражаю.
Замарала платье? Ладно... Постираю.

В нашей жизни долгой всякое бывает.
Пустяки, что дочка плохо помогает.
Я сама помою рамы все на свете,
Были б живы мамы, да здоровы дети.

РОНДО

Моим не будет небо никогда.
Не для меня полночная звезда
Волшебный свет над заводью дрожащей
Прольёт во тьме.

И всяк свой путь обрящет.
Всем будет рай.
И только мне – беда.

Моим не будет солнце никогда.
Я разучилась жить лишь настоящим.
И будет только голос ввысь парящий
Моим.

КОЛЫБЕЛЬ

Но колыбель качалась монотонно,
Отстукивая счёт моим годам.
Так начиналась жизнь – тепло и сонно.

О, если бы известно было нам,
В какие тернии уводит жизнь земная,
То не рождались бы, наверно, никогда.

И мать усталая, дитя своё качая,
Не рассказала – как она горька –
Жизнь за чертой утерянного рая.

...Я мирно спал. А мамина рука,
Раскачивая время в колыбели,
Ласкала будущего старика.

Жизнь прожить – не поле перейти.

(Народная мудрость)

Когда комок застрянет в горле
от слёз, теснящихся в груди,
в России вспоминают поле,
которое не перейти...

И вот встаёт перед глазами
бескрайний жирный чернозём.
Мы в нём тяжёлыми шагами
всю жизнь свою идем-бредём.

Я ж красотой французской фразы
уйму кипение в крови.
И если плохо мне, то сразу
я восклицаю: «C'est la vie».

Жизнь такова. И там – в Париже
бывает тоже нелегко.
Жизнь такова... И как-то ближе
шальная лёгкость облаков.

И пусть живу я там, где поле –
не Елисейские поля, –
прошепчут мне: «Не вечно горе».
«Ah, c'est la vie!» – отвечу я.

ОКТАБРЬ

Октябрь хладными устами
Целует лес. И вздрогнув, он,
Как будто громом поражён,
Шумит опавшими листьями.

Омытый горькими слезами,
Златой наряд снимает он.
Вот белый саван поднесён
Ему суровыми ветрами.

Подарок страшен. Знать, пора
Заснуть навек – не до утра...
Лес погрузился в тишь благую.
Его Октябрь поцеловал.

И дождь опять запричитал
Над ним молитву отходную.

* * *

Уже уходишь, лютая моя?
Ты здесь ещё, а я уже скучаю
По стуже, ласково согретой чаем,
По праздничному звону января.

А помнишь, ты стучала мне в окно,
Морозами грозила и ветрами,
И безнадежно длинными ночами
Ткала изысканное полотно.

Ты, не простив домашнего тепла,
Меня не раз хлестала колким снегом,
Когда я, сонную покинув негу,
Простуженными улицами шла.

Ты мне дыхание сбивала на ходу
И накрывала вязкой тишиною.
Я наслаждалась сказочной игрою
Невнятных форм в заснеженном саду.

Но потемнел твой бархатный наряд,
Просели величавые сугробы –
Ты собираешься в дорогу, чтобы
Свершиться мог циклический обряд.

А завтра зажурчит и запоёт,
Засуетится и придёт в волненье...
Я ж запасусь слезами и терпеньем
И буду ждать твой царственный приход.

* * *

Окончен день. Горячее светило
Тяжёлым камнем за реку скатилось.
Умолкли птицы, слышен сердца стук –
Такая тишина легла вокруг.
Дыхание природа затаила,
Как будто бы неведомая сила
На землю навела отчаянный испуг.
И в тягостной тиши я понимаю вдруг –
Окончен день.

Ночь беспощадная
в права свои вступила,
С картины жизни жадно краски смыла
Одним движением холодных рук.
Исчезло всё: пространство, время, звук.
Лишь эпитафия над новою могилой:
«Окончен день».

В НАШЕМ ДОМЕ

В нашем доме топят печку –
Белый дым идёт столбом!
Запорошено крылечко
Белым утренним снежком.

На дворе мороз играет.
В доме запах пирога.
Мама в кружку наливает
Мне парного молока.

Кот, свернувшийся колечком,
Мирно дремлет под окном.
Пред иконою со свечкой
Шепчет бабушка псалом.

С детства милая картина
Наполняет нас теплом.
Вечно памятью хранимы –
Детство, мама, печка, дом.

БЛАЖЬ

На спор поэзии и прозы
устало смотрит белый свет.
Кому – стихов метаморфозы.
Кому – закрученный сюжет.

Дебаты будут жарки, пылки.
В бою все средства хороши.
Какая блажь – считать убытки,
когда дерёшься от души.
Когда, как Дон Кихот, на приступ
берёшь бездушную толпу.
Когда ты рвёшься, зубы стиснув,
в свою извечную борьбу.

Пусть сердце на кусочки рвётся
пока рождается строка.
Пусть целый мир взахлёб смеётся,
приняв тебя за дурака.
Мешаешь краски ярче, гуще...
Сюжет готов, слова легки.
Какая блажь – считать, что лучше
для них – роман или стихи.

Но вот шедевр готов – и замер
в благоговении партер.
...Лишь где-то там за облаками
вздыхнул, наверное, Гомер.

* * *

Писать я больше не хотела.
Сейчас поэтов пруд пруди.
Мне говорят, возьмись за дело.
Мне говорят: всё впереди!
Живи как все – легко, умело,
Лелей детишек на груди...
Писать я больше не хотела:
Сейчас поэтов пруд пруди.

Но всем советам вопреки
Стихи лились и сердце пело.
Я наврала, что поумнела,
Что эти строки-мотыльки
Писать я больше не хотела.